

— Тао Жань забрал все постельное белье в стирку, — бодро сказала Линь Дунцин. — Пусть слуги принесут завтрак.

Она собственноручно заварила чай и протянула Е Чжицю:

— Я только научилась заваривать чай, попробуй, как тебе?

Е Чжицю приняла чашу, улыбнулась:

— Ты, с мечом, когда успела научиться чайному делу? Раньше Цзянь Хэн ни за что не хотел...

Она не договорила — повисла тишина.

Е Чжицю испугалась, что та рассердится, но Линь Дунцин смотрела на неё с улыбкой:

— То, что он не хотел для тебя делать, сделаю я. Всё, что угодно, лишь бы ты была довольна.

Е Чжицю улыбнулась, опустила голову и медленно отпила глоток. Чай был отличный, вода — прекрасная, заварка — точная. Во рту разлился густой аромат.

— Чем хочешь заняться сегодня? — Линь Дунцин снова подлила ей чаю и улыбнулась. — Чем бы ни захотела, я составлю тебе компанию.

— Я хочу пойти в сливовую рощу — любоваться снегом, пить чай и заодно порисовать, — сказала Е Чжицю. — Знаю, тебе это не по душе. Я могу пойти с Тао Жанем.

— Кто сказал, что не по душе? Ты будешь любоваться снегом, а я в снегу станцую с мечом — разве не отличное сочетание? — Линь Дунцин с улыбкой взяла её за руку. — Я пойду с тобой.

— Помнишь, ты в прошлый раз говорила, что хочешь покататься верхом? Я раздобыла низкорослую гнедую лошадку — как раз для тебя. Сейчас выведу её и пойдём.

Е Чжицю опустила глаза на её руку, сжимающую её ладонь, и тихо произнесла:

— Дунцин, ты так добра ко мне.

— Если это для старшей сестры Чжицю, я готова отдать и душу, и сердце, и даже жизнь, — засмеялась Линь Дунцин.

— Не надо мне твоей жизни. Лучше выпей тот бульон, который я велела кухне сварить, — Е

Чжицю укоризненно взглянула на неё. — Как твои раны? Получше?

— Пустяки, — беззаботно ответила Линь Дунцин.

— Не забывай, в прошлый раз лекарь сказал, что у тебя недостаток ци и крови, надо подкрепляться, — напомнила Е Чжицю. — Не будь небрежной.

Она посмотрела на Линь Дунцин и продолжила:

— Ты всё время торчишь у меня, пренебрегаешь тренировками. Сначала приведи себя в порядок.

— Это ты ко мне по-настоящему добра, — Линь Дунцин взяла её руку, прильнула и поцеловала.
— Слушаюсь во всём.

Линь Дунцин открыла крышку бульонницы, одним духом выпила содержимое и улыбнулась:

— Я пойду выведу лошадь. Ты не торопись, оденься потеплее, чтобы не замёрзнуть.

Линь Дунцин вышла во внешний двор за лошадью и принялась распоряжаться слугами:

— Живо бегите в сливовую рощу, заставьте беседку шторами, чтобы госпожа не простудилась. Тао Жань, приготовь побольше грелок. Цуэр, возьми жаровню, чай, а также кисти, тушь, бумагу и тушечницу.

Люди во внешнем дворе засуетились. Линь Дунцин огляделась, не заметила Бай Цзиньжун и пробормотала:

— Вот дурочка, опять прячется и бездельничает.

Тао Жань и Цуэр с толпой слуг унесли вещи вперёд, чтобы всё устроить в роще. Линь Дунцин вела лошадь и увидела, как выходит Е Чжицю в алом плаще, с толстым лисьим воротником на шее, отчего её лицо казалось необычайно чистым и прекрасным. Она ступала лотосом, грациозно и изящно.

Линь Дунцин заворожённо смотрела на неё, подошла, поправила одежду, помогла сесть на лошадь.

— Поехали, старшая сестра Чжицю.

Внешний двор опустел, стало тихо. Линь Дунцин вывела лошадь за ворота, оглянулась —

никого.

Белый снег, ярко-алые цветы сливы. Линь Дунцин грела чай рядом, Тао Жань растирал тушь. Е Чжицю, прижимая к себе грелку, сидела в беседке, любовалась снегом и сливами и одновременно рисовала.

Е Чжицю подняла рукав, обмакнула кисть в тушь, подняла голову и увидела, что Линь Дунцин задумчиво смотрит на огонь. Рука дрогнула, капля туши упала на бумагу и расплылась.

— Дунцин? — Е Чжицю отложила кисть, сложила ладони и подышала на них.

Линь Дунцин очнулась от мыслей, улыбнулась:

— Замёрзла? — Она взяла руки Е Чжицю в свои, подышала на них, растёрла, потом сунула себе за пазуху. — Ещё холодно?

Е Чжицю покраснела и покачала головой:

— Не холодно.

— Ты уже замужняя женщина, а всё такая же стеснительная, — Линь Дунцин обняла её, поддразнивая, поцеловала в ухо.

— Не балуйся, там люди, — Е Чжицю неловко попыталась вырваться. Линь Дунцин знала, что та из книжной семьи, сдержанная и консервативная, послушно отпустила её.

— Хочешь посмотреть, как я танцую с мечом? — Линь Дунцин сжала в руке меч, выпрыгнула из беседки, заскользила по снегу. В сливовой роще она грациозно, словно фея, танцевала с мечом.

От импульсов меча закружились и посыпались лепестки сливы, оседая на волосах Линь Дунцин, на её бровях и ресницах, на чистом снегу. А она, то извиваясь, как дракон, то взмывая, как одинокий феникс, гордая и неземная, творила мечом мириады изменчивых образов — бесподобно.

— Госпожа глава, ваше мастерство меча потрясающе, — не удержавшись, восхитился Тао Жань. — Раньше ученики в поместье говорили: увидеть танец с мечом госпожи главы и умереть без сожалений. А теперь...

— Действительно необыкновенно, — вздохнул Тао Жань. — Госпожа глава не зря считается первой в мире.

Е Чжицю опустила голову, коснулась бумаги кончиком кисти. Мгновение спустя на бумаге возник силуэт человека, танцующего с мечом на снегу.

— Госпожа, вы так думаете — и правильно, — сказал Тао Жань. — Госпожа глава — лучший человек в мире для вас.

Е Чжицю отложила кисть, легонько подула на тушь, встала и вышла на край беседки. Как раз в этот момент Линь Дунцин, завершив танец, обернулась — и Е Чжицю улыбнулась ей ослепительной улыбкой.

Через полмесяца Линь Дунцин и Е Чжицю стали ещё неразлучнее, каждую ночь нежно обнимались и спали вместе.

Одежда упала на пол. Линь Дунцин, тяжело дыша, провела ладонью по её тонкой талии.

— М-м-м... — Е Чжицю прикусила губу, изо всех сил сдерживая вздохи.

— Больно, — капризно пожаловалась Е Чжицю. Линь Дунцин тут же ослабила хватку и нежно лизнула. — Всё хорошо? Не укусила?

Е Чжицю укоризненно взглянула на неё:

— Не смей бесстыдничать, говорить такие пошлости.

— Поняла, старшая сестра Чжицю, — Линь Дунцин провела пальцами по её животу и тихонько засмеялась. — Кажется, немного пополнела, да?

Е Чжицю шлёпнула её по руке, укоризненно:

— Всё из-за тебя! Каждый день носишь всякие вкусности, и я не могу сдержаться.

— Это я виновата, — Линь Дунцин наклонилась и поцеловала её в губы. — Ты была слишком худой, немного поправиться — хорошо.

— Если ещё будешь говорить пошлости, я перестану с тобой разговаривать, — смущённо пригрозила Е Чжицю.

Е Чжицю была сдержанной и чопорной, возбуждалась медленно, требовала терпения.

Линь Дунцин взяла подушку, подложила её и делала всё, чтобы доставить ей удовольствие.

Е Чжицю положила руки на плечи Линь Дунцин, приоткрыла рот, в глазах — туманная дымка и робость. Когда Линь Дунцин становилась слишком резкой, она тихо умоляла:

— Помедленнее, Дунцин, полегче.

Линь Дунцин всегда заботилась о ней, по её вкусу — медленно и нежно, убаюкивая, пока та не обмякала в её объятиях.

Линь Дунцин смотрела на мелкие капельки пота на её лбу, нежно целовала, медленно прижимала к себе, прикасалась головой к её голове и крепко засыпала.

На следующий день Линь Дунцин проснулась рано. Машинально глянула на изголовье — мелькнула тень, мягкая рука обвила её. Е Чжицю свернулась в её объятиях, глядя на неё; в её глазах струился свет.

Выйдя от Сюй Чжицю, Линь Дунцин направилась во внешний двор. Зима почти кончилась, тёплое солнце растопило снег на стенах.

Она смотрела на лужи талого снега и вдруг вспомнила ту дурочку, что сидела в снегу.

Сколько раз она проходила через внешний двор — ни разу не видела её.

Линь Дунцин поманила Хо Ци и спросила:

— А где Бай Цзиньжун?

Хо Ци почтительно подошёл, поклонился:

— Госпожа Бай сказала, что ненавидит внешнюю работу, поэтому госпожа Цуэр отправила её в Прачечный двор. Мол, она целыми днями ленится, пусть хоть чем-то займётся.

Линь Дунцин усмехнулась:

— Тоже неплохо. Натянем её ленивую жилу, посмотрим, посмеет ли ещё бездельничать.

Вдруг захотелось взглянуть на маленькую ленивицу. Линь Дунцин неторопливо направилась в Прачечный двор. Там люди суетились — стирали, развешивали, собирали бельё.

Во дворе на корточках сидела фигура, поднимала и опускала валик, колотя по одежде, и что-то бормотала.

— Бей маленькую голову, бей, чтобы на лице вскочил нарыв, бей маленькие руки, чтобы каждый день втирали растирку от ушибов, бей маленькое тело, бей, чтобы душа и дух разлетелись, — приговаривала Бай Цзиньжун с удовольствием, налегая на валик, и с силой опускала его на мокрую одежду.

Перед глазами мелькнула тень — появилось лицо Линь Дунцин, потемневшее от злости. Она процедила сквозь зубы:

— Что ты говоришь?

Бай Цзиньжун втянула голову, как перепёлка, но упрямо ответила:

— Я не про тебя, чего ты сама признаёшься?!

— Правда? — Линь Дунцин двумя пальцами сжала бумажную фигурку. — Тогда чья это маленькая кукла рядом с моими датой рождения и часом?

— А мне какое дело? Странно, — Бай Цзиньжун развернулась с тазом в руках и быстро пошла прочь.

Линь Дунцин метнула камешек, он попал Бай Цзиньжун в запястье, таз опрокинулся, и вся одежда вывалилась в грязный снег — всё постиранное насмарку.

Бай Цзиньжун опешила, заметалась, собирая вещи. Из внутренней комнаты донёсся грубый голос:

— Бай Цзиньжун! Опять накосячила! Не выстираешь сегодня три таза — не видать тебе ужина!

— Неуклюжая никчёмность! Даже стирку не можешь сделать как следует! Тупица! — ругань отчётливо разносилась по двору.

Бай Цзиньжун понурила голову, снова сложила одежду в таз, зачерпнула воды в деревянное ведро и принялась стирать заново.

— Я не бездельничала, это она меня забирает, велит стирать столько белья, поэтому я и не успеваю, — бормотала Бай Цзиньжун. Её руки покраснели от холода, она мяла одежду. — Госпожа глава, если вам нечего делать, не мешайтесь здесь, а то я останусь без ужина.

Линь Дунцин увидела её покрасневшие руки, худое тело под грубой широкой одеждой, сжала губы и смягчила тон:

— Как только перестанешь завидовать старшей сестре Чжицю и будешь честно работать, я возьму тебя обратно во внутренний двор, будешь моей маленькой дурочкой.

Бай Цзиньжун молча стирала, опустив голову. Увидев такое отношение, Линь Дунцин вспыхнула:

— Не будь неблагодарной! Упустишь этот шанс — и не надейся вернуться.

— Я думаю, — Бай Цзиньжун, тяжело дыша от усталости, колотила вальком по одежде, — здесь мне хорошо. — Она подняла голову, глаза её блестели, глядя на Линь Дунцин. — Не завидовать невозможно. Я завидую до безумия.

Линь Дунцин отвела взгляд и фыркнула:

— Не знаешь своего места. Хочешь торчать здесь — торчи. — Она развернулась и ушла, даже не оглянувшись. — Дура!

Вернувшись в комнату, Линь Дунцин швырнула чашку. Цуэр взволнованно стояла рядом — госпожа глава давно так не злилась.

Вечером, когда Линь Дунцин прильнула к Е Чжицю, та тихо простонала:

— Дунцин, полегче, полегче, я не выдержу, — и машинально накрыла её руку своей.

Линь Дунцин смягчила взгляд, наклонилась, поцеловала её в губы, замедлилась, доставляя ей наслаждение по капле, словно держала в руках драгоценность.

Неважно, что чувствовала она сама, — лишь бы той было хорошо.

В чёрном тумане мелькнули яркие глаза, прозвучал чистый голос: «Не завидовать невозможно. Я завидую до безумия».

Линь Дунцин резко открыла глаза. Е Чжицю лежала рядом, но почему-то выскользнула из её объятий, сложив руки на животе, и крепко спала.

Сна не было ни в одном глазу. Линь Дунцин накинула халат и вышла.

Снег растаял, горный ручей освободился ото льда, журчал. Линь Дунцин сама не заметила, как подошла к озеру.

Неподалёку от озера был горячий источник, от которого поднимался пар. У озера колыхался

тростник, птицы то и дело взлетали, издавая чистые трели.

Ветер донёс чьё-то пение. У Линь Дунцин был острый слух, она услышала плеск воды и медленно направилась туда.

Ветер разогнал туман, и в горячем источнике показался стройный силуэт. Длинные волосы спадали до талии, талия такая тонкая, что, казалось, её можно обхватить одной рукой. Ладонь зачерпывала воду и лила на плечи, капли стекали по белоснежной коже.

У Линь Дунцин пересохло в горле. Давно забытое волнение поднялось в груди — словно много лет назад, когда она впервые, спрятавшись в кустах, подсматривала за Е Чжицю: так же трепетно, напряжённо и возбуждённо.

Движение опередило мысль. Линь Дунцин уже шагнула вперёд, не в силах сдержаться, схватила за плечо выходящую из воды, повернула к себе:

— Как это ты?

Лунный свет залил её лицо. Глаза, обычно глуповатые, стали холодными, полными чувственности и какой-то неуловимой прелести. Она спокойно смотрела на Линь Дунцин, не отворачиваясь и не прячась, только от ветра кожа пошла мурашками.

— Маленькая дурочка, — голос Линь Дунцин охрип. Пальцы, сжимавшие её плечо, скользнули по гладкой, нежной коже, по тонким костям — такая хрупкая, что, казалось, сломается от одного нажатия.

Взгляд Линь Дунцин упал на её упругую, выдающуюся грудь. Она медленно сглотнула и внезапно подалась вперёд, чтобы поцеловать её, — глаза горели жгучим желанием.

Бай Цзиньжун с силой оттолкнула её, усмехаясь:

— Госпожа глава уже получила желаемое, зачем я вам ещё?

— Не забывай, твой договор о продаже у меня. Ты моя и в жизни, и в смерти, — твёрдо сказала Линь Дунцин. — То, что я положила на тебя глаз, — твоё счастье. Или хочешь всю жизнь стирать бельё?

— Стирать бельё всю жизнь — мой выбор, — Бай Цзиньжун дрожала от холода, начала натягивать на себя одежду, бросила на неё спокойный взгляд. — Я человек, а не собака, которую можно подзывать и прогонять.

Линь Дунцин поперхнулась, в ярости выкрикнула:

— Ты! Не знаешь своего места!

— Госпожа глава права, я служанка, рабыня навечно, низкая, не показная, незаметная, — Бай Цзиньжун втянула плечи, плотнее закуталась. — Все эти глупые мечты я оборвала. Больше не думаю, не смею.

С этими словами Бай Цзиньжун развернулась и пошла прочь, бросив взгляд на вытянувшуюся позади тень Линь Дунцин, и тайком усмехнулась.

Она не владела боевыми искусствами, но понимала: с древних времён говорят — законная жена уступает наложнице, наложница — той, что украдкой. Разве Линь Дунцин не помешана на том, что не может получить?

Вместо того чтобы лезть к ней, лучше оттолкнуть, дать видеть, но не иметь, потихоньку завлекать.

Бай Цзиньжун замедлила шаг. Но почему она не догоняет?

Сзади было тихо. Ветер качнул листву. Бай Цзиньжун обернулась — Линь Дунцин исчезла.

Неудача. Бай Цзиньжун прикусила губу. Придётся снова возвращаться к стирке.

Она бессильно уставилась в небо. Не хочется же стирать всю жизнь.

Линь Дунцин вернулась и снова легла. Е Чжицю свернулась калачиком и спала на боку.

Линь Дунцин обняла её за талию и заметила, что та заметно пополнила — некогда тонкая талия стала шире. Это напомнило ей о стройной спине у озера, и в душе вспыхнул жар, который не угасить.

Линь Дунцин протянула руку. Вероятно, из-за полноты талия была почти такой же, как у Бай Цзиньжун.

Услышав, как Е Чжицю тихо застонала, Линь Дунцин, словно по наитию, всё думала о том, как Бай Цзиньжун выглядела бы на ложе, как мяукала бы, как тихо умоляла, как плакала.

Пламя в сердце разгоралось всё сильнее.

Е Чжицю проснулась, уши её покраснели. Она повернулась, провела рукой по лицу Линь Дунцин:

— Что с тобой, Дунцин?

— Старшая сестра Чжицю, я хочу тебя, — Линь Дунцин впиалась в её губы.

Е Чжицю покраснела, рука, которая пыталась удержать её, ослабла, и она позволила ласкам.

В последние дни Е Чжицю была с Линь Дунцин очень покладистой, даже когда та становилась грубее, только хмурилась, но терпела и больше не просила сбавить напор.

В глазах Е Чжицю тоже появилось желание. Всегда сдержанная, она и сейчас невольно прижалась к ней.

Линь Дунцин взяла её за плечи, пристально посмотрела на неё.

Е Чжицю прикусила губу, сдерживаясь, стыдливо уткнулась лицом в ямочку на шее Линь Дунцин и не издала ни звука.

Даже когда её вознесли за облака, она всё равно прикрывала рот рукой, не позволяя вырваться ни единому стону.

Но в этот миг Линь Дунцин отвлеклась, вспомнив, как та паршивка иногда, разозлившись, кусала её за плечо, одновременно кусаясь и уворачиваясь.

Тогда Линь Дунцин нарочно, назло, доводила её до слёз.

Е Чжицю глубоко вздохнула и обмякла в её объятиях:

— Дунцин, у тебя будто мысли витают где-то.

Линь Дунцин обняла её, успокаивая:

— Нет, просто вспомнила кое-что. Спи скорее.

Наваждение. Наверное, на неё нашло какое-то наваждение, раз она всё время думает о той дурочке. Линь Дунцин в раздражении взъерошила волосы.

На следующую ночь Линь Дунцин тайком пробралась в комнату Бай Цзиньжун в Прачечном дворе. Маленькая дурочка свернулась под одеялом, закутавшись с головой, наружу выглядывало только личико.

В комнате не топили, было холодно. Бай Цзиньжун укуталась, как кокон, закрыв даже рот, осталась только половина лица; ресницы её дрожали — вид жалкий и трогательный.

Линь Дунцин сунула руку под одеяло, нащупала её талию — тонкую, мягкую, будто переломится от одного прикосновения. Она провела рукой вверх, боясь упустить, пару раз сжала.

От движения одеяла внутрь ворвался холодный воздух. Бай Цзиньжун проснулась от холода, открыла сонные глаза, увидела в темноте силуэт на краю кровати и чуть не закричала, но Линь Дунцин зажала ей рот и прошептала:

— Маленькая дурочка, это я.

Бай Цзиньжун опешила, глаза привыкли к темноте, она узнала в лунном свете лицо Линь Дунцин и почувствовала, как та шарит рукой у неё под одеждой.

Бай Цзиньжун поджала ноги и изо всех сил пнула Линь Дунцин, скинув её с постели, закричала:

— Вон! Не уйдёшь — я позову людей!

— Ты посмела меня ударить! — разозлилась Линь Дунцин. — Я глава поместья, мне бояться твоего крика?!

— Люди... м-м! — Бай Цзиньжун только собралась завопить, но Линь Дунцин зажала ей рот: — Я уйду, только не ори!

Линь Дунцин выпрыгнула в окно. Увидев, что кто-то бежит сюда, она оттолкнулась носком и взлетела на крышу, быстро уносясь прочь.

Она, конечно, глава поместья, но забираться ночью в комнату служанки — всё же репутация дороже.

Ночью Линь Дунцин сидела у окна, подперев голову рукой, и вертела в пальцах кинжал. Тут дверь открылась, и вошла Е Чжицю.

Е Чжицю не любила оружия, поэтому Линь Дунцин спрятала кинжал в рукав и удивлённо спросила:

— Старшая сестра Чжицю, ты зачем пришла?

Раньше Линь Дунцин сама ходила к ней, а Е Чжицю редко заглядывала в комнату Линь Дунцин.

— Увидела, что ты не идёшь, подумала, что загружена делами поместья и не поужинала, вот и принесла, — Е Чжицю велела Тао Жаню поставить короб с едой на стол и стала выкладывать одно за другим. — Я велела кухне приготовить твои любимые блюда.

<http://bllate.org/book/21201/2145998>